

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

<https://elibrary.ru/BIDGVS>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2023 г. О.Р. Демидова

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ САГА ЭДУАРДА ЛИМОНОВА: ИСПОВЕДЬ СУПЕРМЕНА

Аннотация: В статье, основанной на обширном корпусе романов Эдуарда Лимонова второй половины 1970-х – начала 2020-х гг., прозаическое наследие писателя впервые рассматривается как единый автобиографический эготекст с высокой степенью исповедальности, выстраиваемый на основе принципа интертекстуальности. Выделяя пять уровней, на которых реализуется указанный принцип в прозе Лимонова, автор статьи определяет ее основные структурно-стилистические характеристики и способы организации текста. Особое внимание уделяется стратегиям формирования двуединого образа автора / героя и тем основным проблемно-тематическим полям, вокруг которых конструируется его (авто)идентичность: власть, революция и война, любовь, свобода, сексуальность, подвиг, смерть и др. Предпринятый интертекстуальный анализ позволяет утверждать, что, воссоздавая в многочисленных текстах ключевые этапы и обстоятельства своей жизни и образы связанных с ними персонажей, Лимонов последовательно конструировал идентичность автора / героя как амбивалентную, пограничную на нескольких уровнях, от социального до профессионального, творческого, гендерного, в пределе — экзистенциального, и каждому из этих уровней соответствовал определенный набор ролей, представленных в режиме бинарных оппозиций.

Ключевые слова: эготекст, интертекстуальность, (авто)идентичность, автор, герой, амбивалентность, стратегии.

Информация об авторе: Ольга Ростиславовна Демидова — кандидат филологических, доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Петербургское ш., д. 10, 196605 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2281-4059>

E-mail: ord55@mail.ru

Для цитирования: Демидова О.Р. Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 450–466. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

© 2023. Olga R. Demidova

EDUARD LIMONOV'S AUTOBIOGRAPHICAL SAGA: THE SUPERMAN'S CONFESSION

Abstract: The article based on a vast body of Eduard Limonov's novels of the mid-1970s – early 2020s presents the first attempt to analyse his prosaic heritage as a unified and highly confessional autobiographical egotext constructed as an intertext. The author of the article singles out five major levels on which the intertextual principle is actualized in Limonov's prose, defining its basic structural and stylistic characteristics and the means of organizing the textual matter. Special attention is paid to the strategies of presenting the dual author-protagonist image as well as to the main themes and problems used to construct his (self)identity, i. e., power, revolution and war, love, freedom, sexuality, heroic deed, death, etc. The undertaken intertextual analysis leads to the conclusion that key life periods, crucial collisions, and people connected with them reconstructed in numerous novels were the means to construct Limonov's author-protagonist identity as an ambivalent one, oscillating on several levels from the social to the professional, creative, gender and, finally, existential ones, with a definite number of roles presented in the form of binary oppositions.

Keywords: egotext, intertextuality, (self)identity, author, protagonist, ambivalence, strategies.

Information about the author: Olga R. Demidova, PhD in Philology, DSc in Philosophy, Full Professor, Leningrad State University after A.S. Pushkin, Peterburgskoe ave., 10, 196605 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2281-4059>

E-mail: ord55@mail.ru

For citation: Demidova, O.R. “Eduard Limonov’s Autobiographical Saga: The Superman’s Confession.” *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 450–466. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

Большую часть прозаического наследия Эдуарда Лимонова — и художественного разных жанров, и в значительной мере публицистического — возможно рассматривать как единый эготекст¹, выстроенный в режиме интертекста с очень высокой степенью исповедальности. Правда, сам автор, как правило, маркировал свои тексты в пределах художественной жанровой парадигмы, называя их романами, повестями и рассказами, в многочисленных интервью настаивая на фикциональной², а не автобиографической эстетике своей прозы и утверждая, что автобиографические приемы нужны были ему для воссоздания атмосферы эпохи, см., например, его интервью Е. Додолеву 1992 г.: «Надо определиться, что считать автобиографическим произведением. Главное действующее лицо моих книг — Лимонов. Но ведь такого человека не существует в природе. По паспорту я Савенко Эдуард. Точка. А Лимонов, значит, это и герой, и автор. Автобиографические приемы были важны для меня при показе эпохи, среды. <...> Понимаете, среда через героя, это эпопея» [Додолев, с. 13, 14]. Однако в некоторых случаях исповедальная мемуарно-автобиографическая природа текста все же вынесена автором в заглавие: «Это я — Эдичка», «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», «История его слуги», «У нас была Великая Эпоха», «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве», «Моя политическая биография», «Апология чукчей. Мои книги, мои войны, мои женщины», «Дед. Роман нашего времени», «Старик путешествует» [Лимонов, 2022, 2007 а, 2021 а, 2021 е, 2021 с, 2002 b, 2011, 2013, 2021 d]³.

¹ Подробнее об эготекстах см.: [Автоинтерпретация; Демидова; Елизаветина; Колядич; Магомедова; Савкина; Olney, 1988; Olney, 1990; Sprengemann].

² Другие варианты эстетической оценки прозы Лимонова см. [Безрукавая; Поливанов].

³ Об автобиографической природе прозы Лимонова пишет и автор его первой

Принцип интертекстуальности реализуется на нескольких смысло- и структурообразующих уровнях:

1. собственный жизненный текст;
2. цитаты или реминисценции из собственных литературных текстов;
3. жизненный текст многочисленных и разнообразных Других, в том числе и литераторов разных эпох и культур;
4. цитаты из чужих литературных текстов;
5. общекультурный и общелитературный гипертекст.

В силу этого корпусу текстов Лимонова присуща подчеркнутая культуро- и литературоцентричность, актуализируемая посредством различного рода цитат, аллюзий⁴, личных имен и весьма представительного событийного ряда, в пределах которого личность автора в различных контекстах позитивно или негативно сопоставляется с личностями других деятелей культуры и с литературными персонажами, что выступает одним из инструментов / способов конструирования его идентичности, как авторской, так и человеческой. Так, в первых трех романах Лимонов прямо или косвенно упоминает Пушкина, Л. Толстого, Гоголя («Гоголь и я» [Лимонов, 2007 а, с. 178]), поэтов Серебряного века, Набокова, Солженицына, Бродского, Рембо («Иду гениальный, как Рембо» [Лимонов, 2007 а, с. 203]) и многих других деятелей российской и мировой литературы; цитирует Катулла, Пушкина, Блока, А. Введенского, Маяковского, Элиота, отечественных и зарубежных философов; отождествляет себя с Растиньяком, Раскольниковым, Гамлетом, Фаустом, «человеком из подполья» [Лимонов, 2021 а, с. 85]⁵, в Нью-Йорке видит Миргород [Лимонов, 2022, с. 309], а свою жизнь воспринимает «как подвиги Геракла или путешествия Одиссея» [Лимонов, 2021 а, с. 166].

Едва ли не самым очевидным, лежащим на поверхности структурным принципом следует считать перемежение временных пластов как на уровне отдельно взятого текста, так и корпуса в целом.

биографии Э. Каррер, ср., например: «Лимонов не пишет выдумок, он умеет рассказывать только о своей жизни»; «Сюжет был один — его жизнь, которую он как бы нарезал ломтями» [Каррер, с. 14–15, 206].

⁴ См., например, достаточно прозрачную аллюзивную цитату в «Дневнике неудачника»: «И громовым грохотом со всех сторон гудели страшные слова философа-горбуна: “Несчастнейший — он же и счастливейший... он счастливейший!”» [Лимонов, 2007 а, с. 156].

⁵ Я. Могутин в статье 1993 г. «Страх. И еще кое-что» контаминировал две широко известные культурные цитаты и предложил оксюморонную конструкцию, назвав Лимонова «маленьким сверхчеловеком русской литературы» [Додолев, с. 101].

При этом движение разворачивается в режиме от настоящего к прошлому и будущему, и свое будущее автор нередко «прозревает» в своем и общечеловеческом прошлом:

Пулеметы, парашюты и пушки моего будущего очень свободно сходят за мое прошлое, и казнь чикагских анархистов в конце прошлого века в чикагской тюрьме уже двенадцать лет горит впереди на черном небосклоне, впереди, а не сзади. Двенадцать лет назад я прочитал о ней и ужаснулся, «узнав» свою казнь [Лимонов, 2007 а, с. 206].

В этом отношении весьма показательна хронология создания произведений: первая часть харьковской трилогии, например, стала последней по времени создания. В различные периоды творчества вектор движения актуализируется в различных вариантах. В нью-йоркские годы преобладает вектор от настоящего к прошлому: «Это я — Эдичка» (1979), «Дневник неудачника» (1977), «Подросток Савенко» (1977), однако уже в «Дневнике...» появляется мотив прозрения будущего. Для парижского периода более всего характерно обращение к прошлому: «История его слуги» (1981), «Молодой негодяй» (1985), «У нас была Великая Эпоха» (1987), но в романе «Последние дни Супермена» (1982) вновь актуализируется тот же мотив. В текстах российского периода настоящее и прошлое перемежаются, см., например, первую «Книгу мертвых» (2000), положившую начало пятитомной некрологической серии 2000–2010-х гг. [Лимонов, 2000, 2010, 2015, 2019, 2020], и другие тексты 2000-х – первой половины 2010-х гг. [Лимонов, 2002 а, 2002 б, 2004, 2011, 2014]. Наконец, во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. создаются итоговые «...и его демоны», «Седого графа сын побочный», «Старик путешествует» [Лимонов 2016, 2018, 2021 d]. В первой воссоздано переживание коллизии болезни, предвосхищенное в «Последних днях Супермена»; во второй — история семьи и рода; в третьей автор возвращается к местам памятных событий, подводит итоги земной жизни, подготавливаясь к жизни будущей, и оставляет завещание современникам и потомкам⁶.

В структурной организации романов отчетливо выделяются три варианта:

⁶ В предисловии к книге Лимонов обращается к читателям: «Я собрал вместе куски пейзажей, ситуации, случившиеся со мной в последнее время, всплывшие из хаоса воспоминания и вот швыряю вам, мои наследники (а это кто угодно: эски, работяги, иностранцы, гулящие девки, солдаты, полицейские, революционеры), я швыряю вам результаты» [Лимонов, 2021 d, с. 4].

1) линейный в двойном векторе «вперед — назад» во времени и пространстве, в соответствии с которым текст конструируется вокруг событий собственной жизни с многочисленными сдвигами временных пластов;

2) «пространственный», выстраивающий текст вокруг того или иного места / точки в пространстве; в этом варианте отчетливо представлены три подварианта: ландшафтный (водный) [Лимонов, 2002 а], географический (Харьков, Москва, Нью-Йорк, Париж, Балканы, Кавказ, Казахстан, Алтай, Монголия) [Лимонов, 2021 с, 2021 b, 2016, 2022, 2008 а, 2008 b], районно-топографический (Салтовка, Сыры) [Лимонов, 2021 е, 2014];

3) некрологический [Лимонов, 2000, 2010, 2015, 2019, 2020].

В итоговом романе «Старик путешествует» эти варианты сведены воедино, как сведены в нем все жизненные ландшафты и события, персонажи и «силовые линии», что позволяет рассматривать книгу как метатекст всего творчества Лимонова.

Еще одной отличительной особенностью прозы Лимонова является двойная оптика / точка зрения: 1) действующий герой, 2) наблюдающий за ним рефлексирующий автор⁷, вступающий с героем в диалог, — своего рода диалогический антагонист героя, нередко прямо обращающийся к нему и намеренно деконструирующий созданный образ. При этом у героя, не боящегося «открыть самого себя», как правило, имя автора, что «потрясло» и «ужаснуло» Е. Евтушенко после прочтения первого романа Лимонова «Это я — Эдичка», который он назвал книгой, написанной «в жанре крика» [Лимонов, 2021 а, с. 33].

Все тексты густо «населены» различными персонажами из ближнего (семья, жены, подруги, друзья, соратники по партии) и дальнего (государственные и исторические деятели, чиновники, представители истеблишмента, успешные люди из мира бизнеса, искусства, политики) круга общения автора. При этом, появившись единожды, каждый из персонажей остается в пространстве саги, возникая в последующих книгах. Этот принцип выдерживается и по отношению к описываемым событиям и жизненным коллизиям. В результате и те, и другие входят (вписываются) в единый текст и становятся фоном для конструирования идентичности автора-героя. Вновь и вновь возвращаясь к какому-либо событию или персонажу, Лимонов идет от поверхности вглубь, «припоминая» или воссоздавая новые детали, углубляя и совершенствуя анализ (в том числе и прежде всего —

⁷ Об авторе-герое см. также: [Матич, 2013].

собственной личности и жизненных установок), достраивая свою идентичность на том фундаменте, который был задан в первом романе, разворачивая его разными гранями.

Это динамическое многообразие представлено прежде всего рядом собственных имен и прозвищ. Для себя этот ряд таков: Эдинька — Эдька — Эди-бэби в раннем детстве и в отрочестве, которые затем неоднократно повторяются в романах о взрослой жизни; Эд, Лимон и молодой негодяй в молодости; ставшее именем-знаком Эдичка; Неудачник, русский Писатель и Поэт, Эдуардо, Эдвард и Эд американского и французского периодов; Супермен как поименование автобиографического героя одного из парижских романов; Дед и Профессор как тюремные статусные прозвища (первое вынесено в заглавие одного из романов российского периода); наконец, Старик как прозвище и онтологический статус героя последнего — неоконченного — романа-путешествия, завершающего многотомную сагу о жизненном пути и «(само)воспитании» автора. Это — имена, которые используют окружающие при обращении к герою. Сам он при обращении к себе использует весь ряд как одну из стратегий конструирования образа, и в зависимости от контекста обращения каждое из имен приобретает различные семиотические оттенки.

Многочисленные Другие представлены в текстах несколькими способами, как прямо, так и косвенно:

1) названы прямо по имени / фамилии или прозвищу (родители, друзья детства, юности и зрелого возраста, жены, подруги — не все, коллеги-журналисты, издательские деятели, соратники по войне или партии, писатели, члены московского литературного объединения СМОГ, многие московские, европейские, американские художники);

2) скрыты под более или менее узнаваемыми акронимами / псевдонимами (которые выбрали для себя сами упоминаемые персоны);

3) названы «непрозрачными» вымышленными именами, как, например, Валентин Пруссаков, автор книги «Оккультный рейх», в 1975–1980 гг. друг и соавтор Лимонова («Открытое письмо Сахарову» и др.), сотрудник нью-йоркской эмигрантской газеты «Новое русское слово» (у Лимонова — «Русское дело»), выведенный в романе «Это я — Эдичка» под именем Альки, Александра, а в некоторых рассказах — под именем Львовского, о чем сам Лимонов рассказал в интервью Е. Додолеву [Додолев, 2012, с. 184];

4) названы Лимоновым вполне узнаваемыми именами, обыгрывающими имена реальные или приметы: Андрей Седых (Яков

Моисеевич Цвибак) — Моисей Яковлевич Бородатых [Лимонов, 2022, с. 27]; Александр и Татьяна Либерманы — Алекс и Татьяна Гликерманы [Лимонов, 2022, с. 307], Михаил Барышников — Сашенька Лодыжников, Евгений Евтушенко — Евгений Ефименков, Белла Ахмадулина — Стэлла Махмудова [Лимонов, 2021 а, с. 85, 30, 35]. В этом же ряду «философ-горбун» Кьеркегор, автор цитированной выше максимы о несчастнейшем⁸.

Основной мотив, сквозной для всего корпуса, — мотив отверженности, отличности от других и в силу этого — избранности: «На всех пляжах быть прохожим. Всегда быть иностранцем — залетным гостем из другой страны. Не заводить даже книг и квартир» [Лимонов, 2007 а, с. 91]. У отверженного — собственная гордость — «бесшабашная» и «пылкая», более пылкая, «чем гордость аристократа и лорда черт знает в каком колене» [Лимонов, 2021 а, с. 77]. Отверженные — «великое и отважное племя неудачников» — воспринимаются как свои, которым Лимонов приносит клятву верности [Лимонов, 2007 а, с. 7, 218, 182]. Неудачников он ощущает как некое братство, из которого прорастают бунтари, революционеры и воины — по его мнению, единственные, кто заслуживает звания мужчины.

Женщин-неудачниц — некрасивых, немолодых, незаметных, неуспешных, нелюбимых — Лимонов также относит к категории своих, сочувствуя им, испытывая перед ними чувство вины и в некоторых случаях прося у них прощения: «Девочки мои родненькие! <...> Ну простите меня за что-то, чего я не понимаю сам!» [Лимонов, 2007 а, с. 145]. «Охотиться» за этими «уродцами», «жалкими отщепенцами» он начал «по несчастью»: у него не было денег на красивых и избалованных вниманием женщин, однако неудачницы, лишённые этого внимания, тронули его сердце и его тщеславие своей открытостью, бескорыстностью, благодарностью за ласку и вызвали признание: «Теперь я уже не сменяю мою коллекцию дефективных существ на гарем красавиц. Моих дистрофиков и лилипуток мне не заменит никто» [Лимонов, 2007 а, с. 258]. Что, впрочем, не избавляет его от страданий из-за невнимания женщин красивых и светских, хотя он и воспринимает их как врагов, которых необходимо победить. В своей эвентуальной победе он не сомневается, но уверен в том, что она принесет ему не радость любви, а торжество мести [Лимонов, 2007 а, с. 240].

Разнообразные Другие в зависимости от типа культуры и социальной принадлежности подразделяются на своего рода классы.

⁸ В первом романе Лимонов прямо упоминает Кьеркегора и цитирует эту максиму [Лимонов, 2022, с. 294].

Первый и самый ранний — «козье племя» (рабочие и низшие слои, в окружении которых он вырос); далее следует советский «благополучный» слой (высший — правители, люди, приближенные к власти; деятели культуры верхнего уровня; средний — интеллигенция); к нему примыкает западный буржуазный слой, к которому Лимонов относит и представителей культуры, особенно успешных; коллеги по литературному цеху; политические деятели; красивые и богатые женщины, все, кого он «ненавидел» [Лимонов, 2007 а, с. 102].

«Точки сборки субъекта», константы, вокруг которых Лимонов «проращивает» себя, выстраивает свою идентичность в жизни и конструирует ее в текстах, отчетливо явлены в первых двух романах и неизменно актуализируются в последующих, образуя единую аксиологическую парадигму.

Место в социокультурной иерархии и статус, основанные на известности, признании, ценности для культуры; следует отметить динамический характер и мобильность этой константы, ее движение в различных текстах не только в режиме снизу вверх, но и в различные жизненные и профессиональные сферы.

Власть, на пути к обретению которой автор-герой проходит несколько стадий: от провинциального ребенка и подростка-хулигана к провинциальному признанному и московскому полупризнанному поэту, далее к американскому писателю, которого не публикуют, но он получает неофициальное признание в профессиональной среде, затем к успешному парижскому писателю, чьи многочисленные книги переведены на разные языки, наконец, к известному политическому деятелю, основателю и главе партии⁹. Очевидно, что значимой для Лимонова является не (с)только власть, основанная на социальном статусе, сколько власть духовная — как писателя и идеолога, за которым идут массы. Первая ему скучна, однако она является необходимым условием для достижения второй, к которой он стремится.

Революция и война. Революцию Лимонов относит к ряду любимых занятий, ср.: «...писать, и то не всегда. <...> Размышлять. Чьи-то стихи вспоминать. На солнышке лежать. Мясо есть. Вино пить. Любовью заниматься или революцию делать» [Лимонов, 2007 а, с. 82].

Кроме того, революцию, направленную не против людей, а против современной цивилизации, он осознает как войну против буржу-

⁹ См., например, утверждения в интервью сентября 1993 г.: «Дело в том, что я стал фигурой первого плана, одним из основных актеров на культурной и политической сцене»; «У меня бурный роман с историей» [Додолев, 2012, с. 36, 39].

азного уклада, в которой он выступает как вдохновитель и лидер; как месть за несправедливое устройство мира; как радость, сопоставимую с радостью, вызванной пришествием Христа [Лимонов, 2007 а, с. 175, 234, 68–69, 109, 119].

Война понимается и представляется в текстах двояко. Во-первых, в прямом сугубо военном смысле как занятие для настоящего мужчины («Нравится ли вам термин “гражданская война”? Мне очень» [Лимонов, 2007 а, с. 17]¹⁰). Во-вторых, в более широком обобщающем смысле противостояния миру, долженствующего завершиться победой на нескольких уровнях: а) над собой — маленьким, слабым, близоруким, бедным, непризнанным, неудачником, брошенным мужем, бездомным бродягой, изгоем; б) над разнообразными Другими: родителями, сверстниками, средой, официальной властью и ее представителями, в том числе — и от литературы и культуры; в) над женщиной; г) над болезнью и смертью; д) над миром (как провидца, предсказавшего его будущее).

Любовь, понимаемая прежде всего как любовь к ближнему, обездоленному, которой нет места в современной цивилизации, именно в силу этого подлежащей разрушению.

Стремление к личной свободе, основанное на врожденной независимости натуры.

Двойственность натуры, происхождения и судьбы, обусловленная сочетанием европейского и азиатского, западного и восточного, простонародного и аристократического: с одной стороны, «азиат», с другой — вид «европейский, лицо тонкое», и при этом был бы вполне русский мужик, «хозяйственный, строгий», если бы судьба не завела «в Америку, в отель на Бродвее» [Лимонов, 2007 а, с. 32, 116, 53].

Обманчивость внешности /амбивалентность личности строится на оксюморонных конструкциях в рамках оппозиций «добро — зло», «прекрасное — ужасное», «безобидное — опасное», «смирение — гордыня» (смирение, основанное на гордыне). Во многих случаях более значимой оказывается негативная сторона личности, противопоставляемая позитивной уже на уровне синтаксической конструкции, ср.: «Я приятен с виду, но ядовит. Интересен, но ядовит»; «Я способен на доброе, но и на очень злое способен тоже»; «Тело у меня не уродливое, напротив <...>, но внутри... Боже, внутри одна нервность, патология и ужас» [Лимонов, 2007 а, с. 185; Лимонов, 2021 а, с. 89, 93].

¹⁰ См. также: [Лимонов, 2002 б, 2008 б, 2013].

Однако обманчивость внешности может быть и позитивной характеристикой: так, за исключением последних романов, Лимонов неизменно подчеркивает несоответствие внешнего облика физическому возрасту, упоминая о своей (и героя) молодости, активном образе жизни и не угасающем с годами едва ли не юношеском интересе к ней¹¹.

Телесность и сексуальность актуализируются в романах в культе молодого красивого здорового тела, как мужского, так и женского, в стремлении в любом возрасте и в любых обстоятельствах поддерживать спортивную форму, в выраженной мужской харизме, сексуальной привлекательности, в повышенном уровне сексуальности («Идешь по улице, кепочку надвинул, бархатный пиджачок обтягивает. Стройный весь — встречаешь частые женские взгляды» [Лимонов, 2007 а, с. 116]). Причем эти качества присущи не только герою-автору текстов — их отмечали все, кто был лично знаком с Лимоновым [Балканский; Додолев; Каррер; Матич]. В этом же ряду — раннее осознание собственной сексуальности [Лимонов, 2021 е] и достаточно смелые эксперименты с нею — из хулиганства, от любопытства или в поисках спасения [Лимонов, 2007 а, 2021 а, 2021 с, 2021 d].

Сексуальный акт осознается и реализуется как схватка, сводимая к первобытному овладению самкой и придающая этому акту полноценность: женщина — всегда добыча воина в бою. При этом «высший секс, если имеешь женщину выше себя, чистую, сытую, другому принадлежащую. <...> Говорят, черные мужчины испытывают это, когда обладают белой женщиной. Я не черный, но испытываю» [Лимонов, 2007 а, с. 112, 113]. Однако иногда герой терпит в этой схватке поражение: от нерешительности, робости перед женщиной, от неопытности, от ощущения греховности своего поведения, от несоответствия партнерши его идеалу женщины, от бессилия либо от неверной оценки ситуации, в результате чего он становится жертвой откровенного насилия [Лимонов, 2021 с, с. 227–230; Лимонов, 2021 b, с. 215, 247, 248; Лимонов, 2021 а, с. 277–284].

Среди прочего, сексуальный акт — это всегда закрепление своего права на женщину. В «Последних днях Супермена» это право закрепляется пожизненно и не может исчезнуть даже после смерти героя. В финале романа, умирающий от неизлечимой болезни, он

¹¹ Вероятно, все это послужило основанием для того, чтобы поименовать Лимонова «заслуженным подростком русской литературы» [Чердниченко, с. 153].

совершает свой последний любовный подвиг, после чего уходит из жизни как подобает воину: намеренно провоцирует полицейских и гибнет в неравном бою [Лимонов, 2008 а, с. 293–300, 325–334].

Отношение к женщинам. Взгляд автора-героя на женщину подчеркнуто объективирующий, рассматривающий и регистрирующий мельчайшие детали ее анатомии, физиологии, внешнего облика и поведения. За регистрацией следуют оценка и классификация: в «Дневнике неудачника» Лимонов подразделяет женщин на классы от «А» до «D», допуская, что ниже этого класса существуют еще «Е», «F» и, может быть, «I». Однако, по его убеждению, существует еще и единственное в своем роде создание, стоящее выше класса «А», за которым он и «охотится», но не имеет понятия, где оно [Лимонов, 2007 а, с. 250–251].

Вместе с тем очевидна и зависимость от женщины не только на сексуальном, но и на онтологическом уровне. Во-первых, стать «очень хорошим мужчиной» возможно лишь при условии, что женщина «будет соответствовать его идеалу “очень хорошей женщины”» [Лимонов, 2021 б, с. 248]. Во-вторых, в аксиологии Лимонова концепт Дома неотделим от концепта Женщины — абстрактной, но неизменно получающей воплощение в соответствии с его идеалом.

Эстетизм / эстетизация в сочетании с самоиронией актуализируются прежде всего в связи с темой бедности: «Я всегда был бедным. Я люблю быть бедным — это художественно и артистично — быть бедным — это красиво. А ведь я, знаете, эстет. В бедности же эстетизма хоть отбавляй <...> Я так люблю быть бедным — строгим, чистым, опрятным бедным тридцати четырех лет мужчиной, в сущности, совершенно одиноким. И люблю мою тихую грусть по этому поводу. И белый платочек в кармане» [Лимонов, 2007 а, с. 65, 66]. С темой бедности связана тема отверженности и конфликта кажимости и сущности, жизненных обстоятельств и самооценки автора-героя, что в текстах находит выражение в противопоставлении его низкого социального статуса и подчеркнутого изящества внешнего облика. Приметами последнего могут быть белые брюки в любую погоду, астра в нагрудном кармане стильного лилового бархатного пиджака чернорабочего, французская кепочка, изысканные манеры [Лимонов, 2007 а, с. 12, 63, 266, 66]. Впрочем, предметом самоиронии могут становиться и любовные страдания, и самый «образ любви» [Лимонов, 2007 а, с. 144, 131], и революционные устремления автора-героя: «Ох, поэт Эдька. Вот это работа — правительства свергать. Изысканная, возбуждающая. За гигантские деньги. <...> Ох, поэт Эдька с Первой авеню в Нью-Йорке — доживем ли, смо-

жем ли когда... А мечта яркая, деятельная, возбуждающая» [Лимонов, 2007 а, с. 195].

Эпатаж, с которым связаны эксперименты с сексуальностью, с нарушением религиозных и социальных запретов, с антигосударственной деятельностью [Лимонов, 2007 а, с. 48, 54, 87, 229, 249]. В «Дневнике неудачника» выведена своеобразная формула эпатажа — «Я люблю, что я авантюрист» [Лимонов, 2007 а, с. 74].

Культивирование образа мачо, внешними приметам которого выступают неизменный нож в кармане, «кривая усмешечка, жестокие глаза и губы — носа постановка», «преданный, суровый и верный друг» револьвер, способность и готовность убить, отчаянная храбрость [Лимонов, 2007 а, с. 51, 165]. Все вышеперечисленное, как и образ в целом, эстетизируется, становясь при этом и объектом самоиронии, см. например: «Шел статный, в кожаном пальто и кепке, мрачно лежащей на глазах, суровой вечерней походкой все в жизни повидавшего мужчины, по Мэдисон-авеню»; «Надо быть храбрым, этого от нас хочет история, хочет ненасытный кровожадный всегда народ, надо быть храбрым и отчаянным — Эдька Лимонов, надо, брат, надо!» [Лимонов, 2007 а, с. 199, 152].

Смерть. Как у всякого русского человека, отношение к смерти у Лимонова почтительное [Лимонов, 2007 а, с. 23]. Вместе с тем смерть — это всегда хорошо продуманный и подготовленный спектакль: она должна быть героической, достойной, красивой, запоминающейся. К смерти как к самому важному в жизни делу нужно себя готовить, и лучше всего встретить ее в бою¹² [Лимонов, 2007 а, с. 29, 80, 134, 265, 191]. Кроме того, умирать следует молодым, потому что «не может быть Лимонова старого!» [Лимонов, 2007 а, с. 29].

В предпоследнем романе «...и его демоны» автор-герой впервые встречается лицом к лицу с угрозой смерти от болезни и отчаянно противостоит ей прежде всего потому, что она разрушает его образ Супермена и концепцию смерти как героического «пятого акта» — единственного достойного мужчины завершения жизни. В последней книге Лимонов, смертельно больной¹³ и ищущий смерти¹⁴, от-

¹² Другой вариант — самоубийство «от восторга перед жизнью» [Лимонов, 2021 с] или от крушения любви [Лимонов, 2007 а, 2022].

¹³ В список действующих лиц книги Лимонов включил «состояние старика», определив его как «то бодрое, то галлюцинаторное» [Лимонов, 2021 d, с. 7].

¹⁴ См. признание автора в предисловии: «Чего я искал, перемещаясь из страны в страну, из Монголии в Paris? Помимо смерти, поскольку очевидно, что я искал смерти» [Лимонов, 2021 d, с. 5].

правляется в путешествие, которое уже совершал в прошлом, с намерением избавиться от этого прошлого и в последний раз «переконструировать» себя — и, разумеется, терпит неудачу, ср.: «Я хотел полностью заменить себе сознание. Не совсем удалось. Иной раз — совсем не удалось. Прошлые ситуации и люди из моего прошлого всё же пробивались ко мне». Однако в ходе этого последнего путешествия он сделал важное открытие: «Мне всё оказалось нужным. <...> И всё останется. И всё уже осталось» [Лимонов, 2021 d, с. 5].

Резюмируя, можно утверждать, что в пределах своего создававшегося на протяжении нескольких десятилетий этотекста Лимонов конструирует собственную идентичность как пограничную на многих уровнях: социальном, творческом, профессиональном, гендерном, в пределе — экзистенциальном. При этом он сопоставляет и сталкивает разнообразные роли: европейца и азиата; неудачника-изгоя и уверенного в своей значимости и эвентуальной успешности писателя и политического деятеля; хлюпика-интеллигента и бестрашного и безжалостного революционера-воина; поэта-романтика и поэта прóклятого; простонародного мужика и потомственного аристократа; провинциального русского парня и покорителя мировых столиц; любящего и любимого; отвергнутого и отвергающего; жестокого хулигана и утонченного высокообразованного интеллектуала; разнорабочего, официанта, прислуги-за-всё и всемирно известного писателя; вуйера и философа; супер-брутального мачо и ранимого молодого человека слегка «аполлонического», по выражению Лимонова, типа [Лимонов, 2022, с. 259] с тонкой душевной организацией; циничного прожигателя жизни и наделенного высочайшей способностью к эмпатии героя¹⁵.

¹⁵ К сожалению, в существующих биографиях Лимонова, основанных на личном знакомстве с ним, на интервью и — в значительной мере — на его текстах, как личность Лимонова, так и идентичность автора-героя его прозы представлены далеко не полностью, см., например: [Балканский, 2017; Карпер, 2023].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Додолев Е.Ю. Лимониана, или неизвестный Лимонов. М.: Зеленая лампа, 2012. 288 с.
- Каррер Э. Лимонов. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023. 424 с.
- Лимонов Э. Апология чукчей. Мои книги, мои войны, мои женщины. М.: АСТ, 2013. 544 с.
- Лимонов Э. В Сырах (Роман в промзоне). СПб.: Лимбус Пресс, 2014. 296 с.
- Лимонов Э. Дед: Роман нашего времени. СПб.: Лимбус Пресс, 2011. 348 с.
- Лимонов Э. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. СПб.: Амфора, 2007 а. 271 с.
- Лимонов Э. ...и его демоны. СПб.: Лимбус Пресс, 2016. 240 с.
- Лимонов Э. Иностранец в смутное время. СПб.: Амфора, 2007 б. 336 с.
- Лимонов Э. История его слуги. М.: Альпина нон-фикшн, 2021 а. 368 с.
- Лимонов Э. Книга воды. М.: Ad Marginem, 2002 а. 315 с.
- Лимонов Э. Книга мертвых. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 286 с.
- Лимонов Э. Книга мертвых-2. Некрологи. СПб.: Лимбус Пресс, 2010. 383 с.
- Лимонов Э. Книга мертвых-3. Кладбища. СПб.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Ту-блина, 2015. 256 с.
- Лимонов Э. Молодой негодяй. М.: Альпина нон-фикшн, 2021 б. 320 с.
- Лимонов Э. Моя политическая биография. [Документальный роман]. СПб.: Амфора, 2002 б. 301 с.
- Лимонов Э. Партия мертвых: Книга мертвых-5. СПб.: Лимбус Пресс, 2020. 160 с.
- Лимонов Э. По тюрьмам. М.: Ad Marginem, 2004. 299 с.
- Лимонов Э. Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве. М.: Альпина нон-фикшн, 2021 с. 272 с.
- Лимонов Э. Последние дни Супермена. СПб.: Амфора, 2008 а. 334 с.
- Лимонов Э. Свежеотбывшие на тот свет. СПб.: Питер, 2019. 222 с.
- Лимонов Э. Седого графа сын побочный. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. 192 с.
- Лимонов Э. Смрт. СПб.: Амфора, 2008 б. 256 с.
- Лимонов Э.В. Старик путешествует. М.: Индивидуум, 2021 д. 264 с.
- Лимонов Э. У нас была Великая Эпоха. М.: Альпина нон-фикшн, 2021 е. 184 с.
- Лимонов Э. Чужой в незнакомом городе. М.: Константа, 1995. 416 с.
- Лимонов Э. Это я — Эдичка. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 360 с.

Исследования

- Автоинтерпретация: сб. ст. / под ред. А.Б. Муратова и Л.А. Иезуитовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 208 с.

- Балканский А. Эдуард Лимонов. М.: Молодая гвардия, 2017. 367 с.
- Безрукавая М.В. Неомодернизм в современной русской прозе: художественные модели мира, концепции человека, авторские стратегии: дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019. 389 с.
- Демидова О.Р. Изгнание как посланье: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 352 с.
- Елизаветина Г.Г. Становление жанра автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
- Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
- Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. Тверь: ИЧП «Мартин», 1997. 221 с.
- Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Октябрь. 2013. № 11. С. 173–188.
- Поливанов А.С. «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов: В.В. Ерофеев, С.Д. Довлатов, Э.В. Лимонов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 30 с.
- Савкина И.Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
- Чередищенко С.А. Заслуженный подросток русской литературы. Эдуард Лимонов // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 153–172.
- Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 360 p.
- Olney J. (ed.) *Studies in Autobiography*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. 228 p.
- Sprengemann W.C. *The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre*. New Haven; London: Yale University Press, 1980. 254 p.

REFERENCES

- Muratov, A.B., and L.A. Iezuitova, editors. *Avtointerpretatsiia: sbornik statei* [*Autointerpretation: Collected Works*]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 1998. 208 p. (In Russ.)
- Balkanskii, A. *Eduard Limonov* [*Edward Limonov*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2017. 367 p. (In Russ.)
- Bezrukavaia, M.V. *Neomodernizm v sovremennoi russkoi proze: khudozhestvennyie modeli mira, kontseptsii cheloveka, avtorskie strategii* [*Neomodernism in Contemporary Russian Prose: Artistic World Models, Concepts of Man, Authors' Strategies: PhD Dissertation*]. Krasnodar, 2019. 389 p. (In Russ.)

- Demidova, O.R. *Izgnan'e kak poslan'e: estezis i etos russkoi emigratsii* [*Exile as a Mission: Aesthesis and Ethos of Russian Emigration*]. St. Petersburg, NP "Russkaia kul'tura" Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
- Elizavetina, G.G. "Stanovlenie zhanra avtobiografii i memuarov" ["The Formation of Autobiography and Memoirs as Genres"]. *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm: Proza* [*Russian and West European Classicism: Prose*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 235–263. (In Russ.)
- Koliadich, T.M. *Vospominaniia pisatelei: problemy poetiki zhanra* [*Writers' Memoirs. The Problems of the Genre Poetics*]. Moscow, Megatron Publ., 1998. 276 p. (In Russ.)
- Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve A. Bloka* [*The Autobiographical Myth in A. Blok's Writings*]. Tver', Martin Publ., 1997. 221 p. (In Russ.)
- Match, Olga. "Eduard Limonov: istoriia avtora i ego personazha" ["Eduard Limonov: The Author's and His Character's History."]. *Oktiabr'*, no. 11, 2013, pp. 173–188. (In Russ.)
- Polivanov, A.S. "Pseudodokumentalizm" v russkoi nepodtsenzurnoi proze 1970–1980-kh godov: V.V. Erofeev, S.D. Dovlatov, E.V. Limonov ["Pseudodocumentalism" in Russian Uncensored Prose of the 1970s – 1980s: V.V. Erofeev, S.D. Dovlatov, E.V. Limonov: PhD Thesis Summary]. Moscow, 2010. 30 p. (In Russ.)
- Savkina, I.L. "Pishusebia...": Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka ["Writing Myself...": Female Autodocumentary Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. Tampere, University of Tampere Publ., 2001. 360 p. (In Russ.)
- Cherednichenko, S.A. "Zasluzhennyi podrostok russkoi literatury. Eduard Limonov" ["Honored Teenager of Russian Literature. Eduard Limonov"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2015, pp. 153–172. (In Russ.)
- Olney, James, editor. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, Princeton University Press, 1980. 360 p. (In English)
- Olney, James, editor. *Studies in Autobiography*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1988. 228 p. (In English)
- Sprengemann, William C. *The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre*. New Haven, London, Yale University Press, 1980. 254 p. (In English)